

Маленький Миша (приблизительно 8-9 месяцев) с отцом

Михаил Боярский: ХОТЕЛОСЬ ИЗБИТЬ ВСЮ ШКОЛУ

— Пожалуй, первое яркое воспоминание относится к тому времени, когда мне было три года — умер Сталин, все пошло к Московскому вокзалу и плакали. Я еще не понимал, в чем дело, но тоже рыдал. Помню, как позже мы все время хоронили каких-то птичек — с двумя девочками, к одной из которых я питал самые нежные чувства. Вообще же тяга к противоположному полу проснулась во мне довольно рано: поначалу во дворе никто из мальчишек со мной не играл — мне были интересны дочери-матери, а ре-

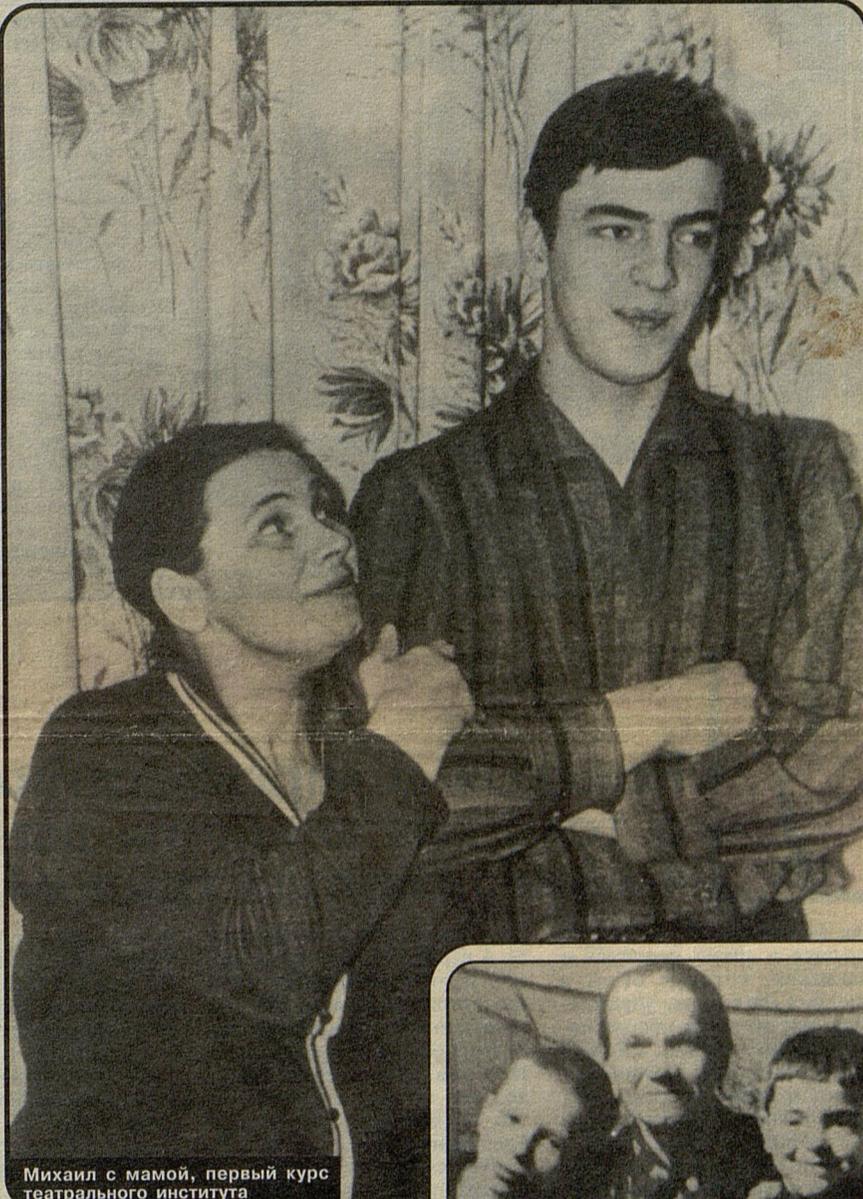
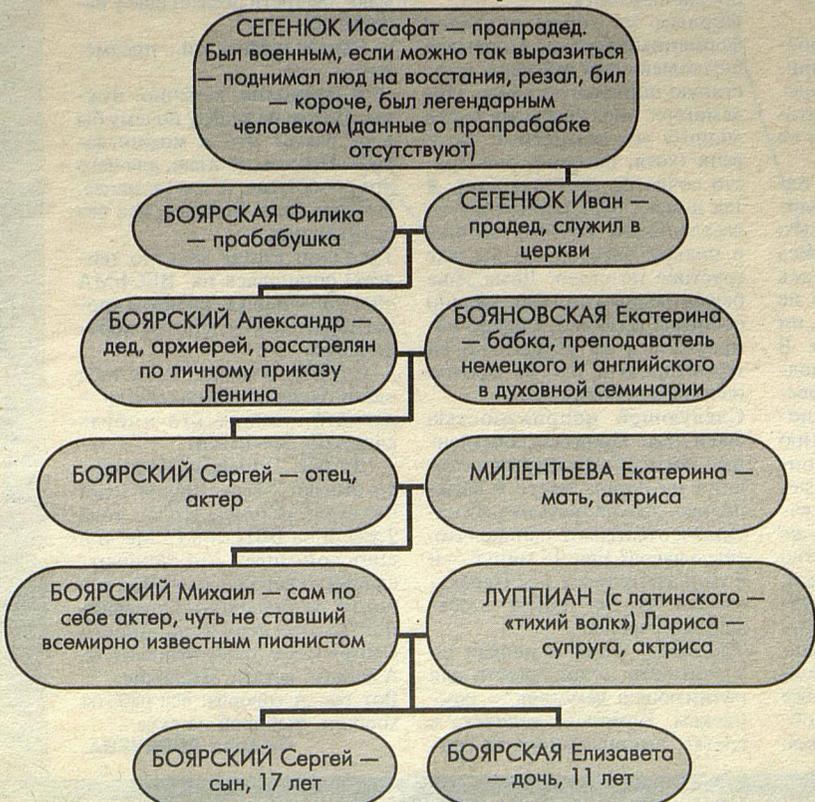
бята предпочитали войну и партизан. Когда мне стукнуло лет пять или шесть, отец приехал домой маленькую машину типа «ЗИС», только почему-то зеленого цвета — из театрального реквизита. У нее было все — и сиденья, и даже двери открывались, вот только ездила она исключительно прямо. Отец часа в два дня ее принес на плечах, и уже к шести она была раздолбана окончательно — катались на ней все, кто жил у Гончарной улицы — человек семьсот. К тому же в какой-то момент ее на-

чали страшно бить — вначале отломали двери, потом раскромсали корпус и оторвали колеса. Почему мы это сделали, я не понимаю. Скорее всего таким образом мы искоренили нечто буржуазное. Ведь именно в то время было стыдно выходить на улицу в новых вещах — я, например, как-то приехал в деревню в плетеных сандалиях, и все так смеялись, называя их женской обувью, что пришлось их выкинуть: чем терпеть издевательства, лучше ходить босиком. В деревне вообще все было по-настоящему — ни све-

Второй слева — Александр Боярский, дед Михаила. Крайняя справа — Екатерина Бояновская, бабушка

Генеалогическое древо Михаила Боярского

Михаил с мамой, первый курс театрального института

Миша (крайний справа) с нянькой тетей Юшей и двоюродным братом

та, ни воды. Жгли керосиновую лампу. Бегали на скотный двор — там можно было ездить верхом на свиньях, и это было потрясающе. Через несколько лет такого отдыха перестали кусать комары — родителей, когда они приезжали за мной, прямо-таки пытались сожрать, а меня вообще не трогали. Мама с папой махали ветками так, что ни на что другое времени уже не оставалось, я же никак не мог взять в толк, что это они делают... В музыкальной школе нас обучали и точным наукам, но они мало кого интересовали. Позже мы из туалета сделали курительную комнату: закрыли все отверстия фанерой, наставили стульев, играли в карты. Мальчишек гоняли — это был настоящий мужской клуб. До тех, конечно, пор, пока не входил педагог и не восклицал: «Боже, что ж это такое?!» Причем входили и кричали женщины — учителя-мужчины не хотели портить отношения, и только в редких случаях,

когда они вынуждены были заскочить к нам, закрывали глаза и делали вид: мы — что нет учителя, он — что нет нас. Никаких санкций за столь недостойное поведение не было: в восьмом классе педагог разрешила нам курить, не выходя из-за парт, — во время сочинения по «Войне и миру»: у нас было два урока подряд, и учительница сказала: я знаю, вы курите, так что можете делать это здесь — чтобы не терять времени даром. Естественно, всю первую половину сочинения мы просто прокурили — еще бы!.. В то время мы запросто могли попросить у педагога сигарету, и он угощал — да хоть пей, но дело разумеет. Так и получалось: если сидишь куришь — значит взрослый, следовательно, было просто стыдно не знать урока или какого-то произведения. Помню, на уроках, которые меня не интересовали, я лихо списывал. Например,

на химии у нас стояли не парты, а бо-ольшие столы. И пока преподавательница писала на доске задание, я проползал весь класс и выбирал из контрольных предыдущего класса подходящий вариант. Отползал обратно и переписывал, не понимая ровным счетом ничего — ни что такое аш два эс, ни чего там на что надо умножить... В конце контрольной у кого-то там стояла пятерка, я за то же самое получал три — любила меня химичка. Расстраиваться по этому поводу не было смысла — я понимал, что в школе бог знает чем занимаются, но только не учат. К тому же у нас была девочка, потрясающе поддельвающая подписи. А попробуй педагог запомни, ставил он тебе три на прошлой неделе или нет. Конечно, мне не всегда не нравилось учиться — до пя-

фотографии из домашнего архива Михаила Боярского